

«...Заслуживает имя политического деятеля»

СВОБОДНАЯ
МЫСЛЬ
2000 № 4

С то тридцать лет назад родился человек, имя которого неотрывно от поистине тектонических сдвигов в стране и мире. Я — не историк, не политик, но, по глубокому моему убеждению, интерес к родной истории и сопричастность судьбам страны не могут становиться монополией профессионалов. Я, как и многие мои соотечественники, с интересом слежу за публикациями по российской истории XX века, читаю мемуары участников событий, работы историков — и с удивлением обнаруживаю, насколько расходятся хорошо известные, достоверные и никем не оспариваемые факты с тем, что сегодня говорят и пишут люди, имеющие доступ к газетам и телевидению. И если мне приходится братья за перо и выносить на суд читателей свои сомнения и размышления, то только потому, что здравый смысл и непредвзятость оценок, как мне кажется, сегодня в дефиците.

Недавно я натолкнулся на поразительное по своей непреходящей исторической и политической дальновидности ленинское высказывание: «Нужна *правда* и о живых политических деятелях, и о мертвых, ибо те, кто заслуживает имя политического деятеля, не умирают для политики, когда наступает их физическая смерть». Оглядываясь в прошлое и наблюдая жизнь сегодняшнюю, мы видим, что автор процитированных слов не умер для политики, что идеи его и дела остаются в фокусе общественного внимания, являются предметом противоречивых, а нередко и конъюнктурных — как раньше, так и теперь — оценок. В день ленинской кончины поэт писал: «Века уж дорисуют, видно, недорисованный портрет». Портрет остается недорисованным и по сей день. И это неудивительно, ибо Ленин был и остается титанической фигурой российской и всемирной истории. Не только единомышленники, но и крупнейшие политические противники, идейные оппоненты считали его человеком исторического масштаба.

Сегодня мы вновь находимся на одном из переломов нашей исторической судьбы, на котором утеряны многие нравственные ориентиры, девальвированы моральные ценности.

Переживая период падения культуры общества, быстрого разрушения системы среднего и высшего образования, массового отъезда за рубеж

специалистов, главным образом молодых, страна превращается в очаг невежества, мракобесия, разгула первобытных инстинктов. Главной ценностью объявлено богатство. Уличные транспаранты соблазняют пить водку и курить. Безнаказанность грабежей и убийств указывает молодежи возможные легкие пути обогащения. Такой культуре, конечно, не нужны ни Герцен, ни Чернышевский, ни декабристы, ни народники, ни Ленин, ни Плеханов. «Живи в свое удовольствие! Лови момент!»

Наверное, предвидя будущее господство Победоносиковых, понимая, что до царства справедливости еще страшно далеко, В. Маяковский, «далеко не худший поэт эпохи», пытался сам рассказать «о времени и о себе». Любые попытки посмотреть на историю со стороны неминуемо приводят к появлению «точек зрения», когда старым меряется день сегодняшний. Тут ничего не поделать. Но беда, если начинают судить прошедшее, а особенно войны и революции, с сегодняшних позиций, прикладывая к прошлому эталон мирного времени. Отсюда один шаг до морализирования, приобретающего к тому же лицемерный характер. Приведу только один пример, связанный с применением силы. Сравним подавление кронштадтского мятежа, о котором в последние годы было написано столько возмущенных слов, и две военные кампании в Чечне. В первом случае руководством страны были выявлены социально-экономические причины вооруженного выступления и радикально изменена вся политика (произошел переход к нэпу); в последнем — после одной кровопролитной кампании через три года последовала вторая... Замечу к этому такую «частность». Когда осуществлялся переход от продразверстки к продналогу, Ленин потребовал удалить из Наркомпрода людей, «одни лица которых стали ненавистны крестьянству». Глава правительства понимал, что новую политику должны проводить новые люди, и это одно из необходимых условий, чтобы люди поверили в нее. Какие отсюда можно сделать выводы, судите сами. А сколько таких сопоставлений и сравнений можно привести!

Настоящая биография В. И. Ленина — в его делах. Эту биографию стали уродовать сразу после его смерти, превращая человека в икону, а затем — под лозунгом возвращения к истине — не нашли ничего лучшего, чем опустить эту икону в грязь. Наверное, людей такого масштаба, равно, как Петра Великого, да и других великих — людей с исторической инициативой, не устранявшихся от схватки с заскоружлыми обычаями, с традиционной нищетой, с невежеством и гнетом, не следует подгонять под мещанский трафарет.

Создание российской социал-демократии, партии большевиков, Октябрьская революция, образование СССР, первые шаги к социализму на путях нэпа — все это неотделимо от Ленина. И все это — за двадцать пять лет политической жизни, за семь, а фактически, за пять лет пребывания у власти. Есть над чем задуматься. Чуть больше одного нынешнего президентского срока, а страна была поднята буквально из руин Мировой и Гражданской войн.

По своей политической целеустремленности, ясности программных принципов и точности лозунгов партия большевиков равных себе не имела. Как и всякое свободное объединение людей, ее сотрясали разногласия,

расколы, но никогда не подвергалась сомнению цель — на развалинах самодержавия построить общество социальной справедливости, где права на труд, на всеобщее равенство перед законом, на 8-часовой рабочий день при достойной, обеспечивающей жизнь зарплате, на медицинское обеспечение всем гражданам гарантированы. Эта партия твердо знала, что завоевать власть может только народ под руководством организации — партийной организации. Благие либеральные пожелания и политические дебаты были бессильны и бесполезны в самодержавной стране.

Ленин создал аппарат управления государством при сильной власти, но коллективном руководстве. Обращает на себя внимание, как много сил тратил этот человек на согласование своих предложений, как часто он оказывался, будучи главой правительства, в меньшинстве, как вынужден был соглашаться с большинством или вновь просить вернуться к обсуждению его предложений.

Когда партия стала правящей, Ленин предупредил о двух главных грозящих ей опасностях — карьеризме и бюрократизме, которые могут и погубить. «К нам, — говорил он, — присосались кое-где карьеристы, авантюристы, которые назвались коммунистами и надувают нас, которые полезли к нам потому, что коммунисты теперь у власти, потому что более честные “служилые” элементы не пошли к нам работать вследствие своих отсталых идей, а у карьеристов нет никаких идей, нет никакой честности. Это люди, которые стремятся только выслужиться». Все симпатии Ленина на стороне «служилых» с «отсталыми идеями», но честных. Насколько проницательными оказались эти предупреждения и оценки, говорить сегодня не приходится. Как в калейдоскопе, мелькают одни и те же лица. КПСС, ДВР, НДР, «Медведь»... И думается, что это не последнее их пристанище. Неважно, какая партия, важно, что они у власти.

Ленин являл собой редкое сочетание творческого воображения и реализма, теоретика и политика. До сих пор ничего умнее о национализме нации угнетающей и национализме нации угнетаемой, о категорической неприемлемости первого и понимании и сдержанной, несилевой корректировке второго — никто не сказал. Самое время об этом вспомнить!

Недавно промелькнуло сообщение, что в Финляндии открыт еще один памятник Ленину. И, насколько я знаю, ни один финн — каких бы политических взглядов он ни придерживался — не позволит себе пренебрежительно отозваться о Ленине: там помнят, кто подписал декрет о независимости Финляндии. К чему я клоню? Да очень просто: Ленин, будучи убежденным интернационалистом (у нас даже коммунисты стали стесняться этого слова, а напрасно), резко выступал — и не только на словах, но и на деле, — против малейших ущемлений по национальному признаку, против употребления каких бы то ни было оскорбительных кличек по адресу евреев, татар, кавказцев и т. д. Неплохо было бы некоторым неблагодарным потомкам тех, кого брал под свою защиту Ленин, поучиться у наших северных соседей.

Хочу сказать и о патриотизме, о котором так много наговорено как в «положительном», так и «отрицательном» смысле. Ленину принадлежат известные слова «о национальной гордости великороссов». Кстати, они не были в свое время поняты даже отдельными единомышленника-

ми, усмотревшими в них уступку великодержавному шовинизму. Но это было не так. Конечно, патриотизм Ленина не был ни «профессией», ни «политическим промыслом». У него было естественное чувство Родины, присущее русскому интеллигенту, с его бережным отношением к русскому языку, истории, культуре, традициям, обычаям и т. д.

Ленин, большевики шли к революции не потому, что жаждали крови, а потому, что никакие изменения к лучшему для рабочих, для вымирающих от периодического голода крестьян «правлящая элита», как сказали бы сейчас, проводить не желала. Партия была засекреченной не потому, что ее цели были неприемлемы для людей, а потому, что власть боролась с ней, засылала провокаторов и т. д. Методы борьбы с самодержавием были им самим и продиктованы.

Ленин и революция неразделимы. Действительно, если мы говорим о Ленине, мы говорим об Октябре; если говорим об Октябре — говорим о Ленине.

Об Октябрьской революции написаны горы книг. В первые годы ее называли Октябрьским переворотом. Переворот или революция? Ответ надо искать в последующих событиях — в стране, в мире.

Взятие Бастилии могло остаться бунтом в Париже, если бы Людовик XVI сумел разглядеть в надвигающихся событиях революцию. Не разглядел — и потерял корону, а заодно и голову. Почти сто лет Францию, другие страны Европы будут сотрясать революционные взрывы, пока Парижская коммуна 1870 года не приведет к окончательному свержению монархии, уничтожению остатков феодализма, выходу на политическую арену демократических форм государственного правления — парламентаризма и свободного развития капитализма. Хотя королей оставалось (и остается) много, абсолютная монархия — «самодержавие» — на цивилизованной части планеты сохранялась только в России.

Старый вопрос: а могло ли не быть революции (любой)? В нашей стране, насыщенной учениями о «закономерностях», сильно папахивающими фатальной верой в судьбу, ответ всегда звучал отрицательно. Ну что ж... Если ничего изменить в будущем нельзя, если все неизбежно — и революция, и распад СССР, — то человеческое общество становится подобным стаду. Это и нужно всякого рода тиранам-пастухам. Но ответ на поставленный вопрос должен быть определенно положительным, так как революции всегда свершаются *по вине властителей*, не желающих поступиться присвоенными привилегиями, неспособными на социальный и политический компромисс.

Колониальная страна, грабившая Индию, Китай, Африку, переживавшая у себя дома развитие беспощадного капитализма (в начале XIX века был принят закон, запрещавший более чем 12-часовой (!) рабочий день для детей), — Великобритания, помня о Великой французской революции, путем множества компромиссов, усовершенствований парламентаризма, уступок бывшим колониям вплоть до их отделения не допустила у себя ни одной революции по сей день. Став президентом США в период тяжелейшего кризиса, Франклин Делано Рузвельт в 1933 году в течение знаменитых своих ста дней начала президентства пошел на небывалые уступки рабочим, оказал поддержку безработным, сущест-

венно ограничил власть капитала и буквально вырвал страну из разразившегося и небывалого до сих пор кризиса. Совершить эту «революцию сверху» он смог только потому, что мир уже был знаком с Октябрем России, который угрожал прийти на американский континент, если не будет найден выход из кризиса, если не начнет осуществляться действительно сильная социальная политика.

Только бездарные политики не усваивают уроков прошлого. Революцию надо изучать, ее нельзя похлопывать по плечу или поучать, ее надо предупреждать. И самое последнее дело — ругать революционеров. Они — далеко, они — не услышат. Революции всегда убивали своих сыновей. Но не надо забывать, что на баррикады выходили лучшие, самые чистые сыны народа. Они хотели родине добра, оглядываясь назад, на зло, которое надо было свергнуть. Им всегда было трудно заглянуть в будущее, увидеть тех, кто воспользуется плодами их побед. Зачем далеко ходить в поисках примеров? Оборонявшим «Белый дом» в августе 1991 года разве мыслилось, что они закладывают фундамент никчемного капитализма, расслоения общества на полунцихов и «новых русских», разве они думали, что уже через несколько месяцев начнется кровавый передел собственности и сфер влияния разных мафий?

Только бездарные политики не усваивают уроков прошлого. Революцию надо изучать, ее нельзя похлопывать по плечу или поучать, ее надо предупреждать. И самое последнее дело — ругать революционеров.

Почему произошла Февральская революция? Вот только несколько эскизов, характерных для общественной атмосферы того времени и показывающих, что было бы удивительным, если бы революция не «случилась».

«Как известно, вскоре после начала военных действий в армии не хватило снарядов... Генерал Янушкевич, называвший вопрос патронов и ружей “кровавым”, писал в это время Сухомлинову (тогдашний военный министр. — А. В.) из ставки верховного главнокомандующего... “Волосы дыбом становятся при мысли, что по недостатку патронов и винтовок придется покориться Вильгельму...”. «Раздражение России, вызванное страшным отступлением 1915 года, действительно удалось направить в отдушину, именуемую Государственной думой. Удалось перевести кипевшую революционную энергию в слова... Удалось подменить “революцию” “резолуцией”, то есть кровь и разрушение словесным выговором правительству». В Петрограде кончается хлеб. На фронте нет снарядов, винтовок, патронов. «20 января (2 февраля) 1916 года председателем Совета министров назначают гофмейстера Бориса Владимировича Штюрмера, о котором столица выражалась так: “Абсолютно беспринципный человек и полное ничтожество”...» (В. В. Шульгин).

Страна ведет смертельную войну. И в это время с 16 сентября 1916 года по 1 марта 1917-го сменилось три премьера правительства, ни один

из которых не имел ни сил, ни ума, ни опыта для выполнения своих обязанностей.

Запись последней беседы царя с председателем Думы М. В. Родзянко:

«— Ваше величество, спасайте себя. Мы накануне огромных событий, исхода которых предвидеть нельзя. То, что делает ваше правительство и вы сами, до такой степени раздражает население, что все возможно. ...Что же вы хотите, во время войны потрясти страну революцией?»

— Я сделаю то, что мне бог на душу положит.

— ...Я убежден, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет вас, и вы уже не будете царствовать.

— Откуда вы это берете?

— Из всех обстоятельств, как они складываются. Нельзя так шутить с народным самолюбием, с народной волей, с народным самосознанием, как шутят те лица, которых вы ставите».

«Родзянко как в воду глядел. ...Через девятнадцать дней после этого разговора я уже во Пскове принял из рук несчастного самодержца акт его отречения от престола» (В. В. Шульгин).

«...В терновом венце революций грядет шестнадцатый год...» — в 1915 году в поэме «Облако в штанах» писал В. В. Маяковский.

За несколько дней до революции монархист, черносотенец Пуришкевич произнес яркую речь против правительства.

Хватит, наверно. В этих условиях Февральской революции не могло не быть. Николай II довел дело до того, что сложившееся в стране положение вызывало полное неприятие у всех: от ярых монархистов до солдат.

А что же с Октябрем? Действительно ли все дело в заговоре большевиков?

После февраля 1917-го Россия — самая демократическая страна в мире. Но власть принадлежит двум противоположным лагерям: Советам организованных рабочих и солдат — с одной стороны, и Временному правительству, образованному остатками Государственной думы, — с другой.

К единовластию стремятся и те, и другие. К этому времени на фронтах убито более 2 миллионов человек. Таких потерь Россия не знала за всю свою историю. Как объяснить народу, почему пушки остались без снарядов, почему у солдат не хватало винтовок, почему в Петрограде выдавали меньше 400 граммов хлеба на человека, почему в деревне у крестьян насильственно отбирали хлеб (продразверстку ввело царское правительство 29 ноября 1916 года, вооруженные продотряды направило в деревню Временное правительство; другого выхода тогда не было, и осуждать никого не стоит, но и большевикам не надо приписывать чужие заслуги)? Слова бесполезны. Надо действовать. После Октября чиновник Министерства иностранных дел разговаривает с Л. Д. Троцким (которого про себя сравнивает с чертом, готов стереть в порошок, но которому вынужден передавать дела). Разговор идет о причинах такого быстрого свержения власти — переворот-то был практически бескровным, никакого штурма Зимнего и не было, погибло при его обороне 1 или 2 человека. И оба приходят к выводу: если бы Временное правительство заключило сепаратный мир с немцами, оно власть могло удержать. Мы от себя добавим: и Россия пошла бы по пути европейской демократии с продолжением после какого-то перерыва бурного развития промыш-

ленности, дальнейшего кооперирования сельского хозяйства (к этому времени оно уже было на 50 процентов кооперировано; все старые до-революционные кооперативы ликвидировал Сталин, сгрудив на их развалинах беспаспортных закрепощенных крестьян).

Плохо организованная российская дворянская аристократия в сентябре 1917 года пыталась отобрать власть у слабого Временного правительства с помощью героя войны генерала Лавра Корнилова. Смелый, умный генерал встретил отпор вооруженных рабочих отрядов, поддержанных Временным правительством, натолкнулся на неповиновение собственных солдат и вынужден был от Петрограда уйти. Но корниловский мятеж изменил соотношение сил в пользу Советов: сплоченные обороной рабочие выпустили из тюрьмы Троцкого, возглавившего Петроградский Совет. Ленин оставался в подполье. Большевики и левые эсеры начали энергично готовиться к захвату власти. После взятия Зимнего дворца и ареста Временного правительства Ленин покинул подпольную квартиру и пришел в штаб восстания в Смольном.

Вожди большевиков были гораздо лучше образованы в политике: они прошли эмиграцию, многие были лично знакомы с коммунарами Парижа, знали от них, что означал синдром, получивший название «версальский». Версальцы чинили дикие расправы над коммунарами, добивали раненых, расстреливали на улицах города тысячи рабочих. Революция или контрреволюция — так стоял вопрос.

Будучи самым авторитетным человеком в партии, Ленин не обладал никакими особыми полномочиями, тем более — диктаторскими. Накануне восстания за выбалтывание даты переворота он предложил исключить из партии Зиновьева и Каменева. С ним не согласились. После победы восстания в Петрограде во время боев в Москве он потребовал исключить из партии Луначарского за противодействие военным методам борьбы. Не прошло. Во время Гражданской войны Ленин не мог отдавать приказов Председателю РВС Троцкому без решения Политбюро. Думаю, что именно для возвеличивания Сталина надо было придумать другого Ленина — якобы единоличного руководителя партии, ее идеолога, теоретика и практика, продолжателем которого был расписан Сталин, всего лишь унаследовавший будто бы необозримую власть покойного вождя.

Сейчас экономический уклад, доставшийся стране от первых лет революции, изуродованный под тиранию, называвшийся у нас социализмом, а в других местах — казарменным социализмом, государственным капитализмом, именуют «коммунистическим режимом». Происходит полнейшая путаница: экономический уклад объединяют с формой правления. Но ведь тирания, как и республика, возможна и при рабовладельческом строе, и при феодализме, и при капитализме. Сейчас в мире крупнейшими странами руководят социалисты, там многие идеалы социализма, о котором мечтали создатели РСДРП, осуществлены, но формы правления — республиканские. Социализм «с человеческим лицом» был в период короткого правления А. Дубчека в Чехословакии, многие венгры положительно оценивают режим в стране времен Я. Кадача.

Россия всегда была богата талантами, и нет оснований предаваться унылому пессимизму. Но в стране не существует организованной политической

силы, которая имела бы программу строительства нового общества (пусть по примеру Швеции, Германии или Франции). Недовольство народа, ограбленного небольшой кучкой шустрых партактивистов, быстро перекрасившихся в антикоммунистов, велико. Кстати, еще в 1934 году Троцким был предсказан возможный переход от казарменного социализма к капитализму, переход, во время которого основные посты в возродившемся капиталистическом государстве захватят бывшие партийные функционеры.

Конечно, от переворота до революции — дистанция в годы. Надо было так легко доставшуюся власть удержать, организовать хозяйственную жизнь страны при национализированной промышленности, надо было победить в Гражданской войне. И вот когда «разгромили атаманов, разогнали воевод», выбили английский экспедиционный корпус из Архангельска, заставили уйти японцев с Дальнего Востока, а французов — из Одессы, когда привели в чувство украинских политиканов, объявивших России войну на стороне немцев в 1918 году, восстановили границы страны, сделали конвертируемым рубль, отдали землю крестьянам, накормили страну и возобновили экспорт пшеницы за рубеж, создали новую армию, стали открывать научно-исследовательские институты, стремительно поднимать промышленность и ликвидировать неграмотность, — вот тогда миру стало ясно, что в России был не переворот, а революция, и притом — Великая.

Обычно, предвзято цитируя вождей революции, приводят их противоречащие друг другу высказывания. Политика — это реальность, точно сказано когда-то. Лозунги большевиков соответствовали задачам момента и накануне свержения Временного правительства были одними, в период Гражданской войны — другими, а в период мирного строительства, никому неведомого при национализированной промышленности, ликвидированном старом аппарате управления, — третьими. Большевики крупно ошибались в своих первоначальных планах, рассчитывая на стихийное становление равноправного труда свободных работников, но они умели быстро исправлять свои ошибки.

Очень много говорится о жестокостях большевиков в Гражданской войне. Законы войны всегда были предельно жестоки, а гражданской — в особенности. Гражданская война — это всегда террор, и террор взаимный. «Жида и коммунисты, выходи на расстрел!» — хорошо известный приказ, отдававшийся без суда и следствия пленным красноармейцам. Заложников брали и те, и другие (почитайте хотя бы «Очерки русской смуты» А. И. Деникина, считавшего важнейшим недостатком своей армии ее классовый характер, поголовные расстрелы пленных, включая раненых). Порка крестьян, возвращение хозяевам розданных большевиками помещичьих земель лежали в основе поражения белых армий. Но потери в той войне были не столь уж велики. Цифры, приводимые А. И. Деникиным по первому кубанскому походу: 400 убитых и 1,5 тысячи раненых. Потери мирного населения не считал никто. Дж. Неру приводит слова генерала Гревса, представителя Соединенных Штатов, помогавших Колчаку: «Совершались чудовищные убийства, но их совершали не большевики, как думает мир. Я нисколько не погрешу против истины, заявив, что на каждого убитого большевиками приходилось в Восточной Сибири сто человек убитых противниками большевиков».

По своему образованию, культуре белые должны были быть гуманнее красных, но законы борьбы все меняли. И дело тут не столько в лицах, сколько в обстоятельствах: адмирал Колчак — талантливый флотоводец, выдающийся географ, исследователь Арктики; генералы Корнилов, Деникин лично — глубоко порядочные люди, а Корнилов предупреждал, что при попытках восстановления монархии он уйдет в отставку. Но лавина революции смела всех и покатила по одной ей ведомому пути.

Наступившая после революции жизнь вся была соткана из противоречий: героизм и трагедия, энтузиазм миллионов и массовые репрессии, вера людей и цинизм власти. Но страна жила. Рожали детей, воспитывали их в любви к своей богатой несчастной стране («...я все-таки горд был за самую милую, за горькую землю, где я родился», — писал К. Симонов), учили их в школах в эпоху не только культа личности, но и — культа образования, а учителями были те, кто кончал классические гимназии (хорошо учили!). Писали стихи — поразительной глубины. Сочиняли музыку — классическую (лучшую в мире) и популярную — мелодичную, человечную. Спросят: а Сталин? А он — сбоку.

В традиционной советской литературе царь, его окружение изображались в черных тонах. Первыми стали «отбеливать» П. А. Столыпин — реформатора-неудачника, пытавшегося навязать России хуторской сельский уклад. Затем исподволь стали выплывать и доблести Николая II, хотя между черным и белым цветами не было ничего.

Николай обладал, по общему признанию, исключительным личным обаянием. Он был мужественным человеком, добрым семьянином, искренне и глубоко верил в Бога. Женился (редкий случай у монархов) по любви, жена оставалась его близким другом до конца. Даже в самой скверной печати не писалось ничего плохого об их детях. Восточная политика Николая заслуживает не только уважения, но и всенародного признания: именно он энергичнейшим образом осваивал Восточную Сибирь, протянул железную дорогу в Хабаровск и Владивосток.

Наставник последнего царя К. П. Победоносцев обладал отнюдь не слабым литературным даром, был безусловным патриотом, до глубины души преданным идее самодержавия. Он, по свидетельству С. С. Ольденбурга, так высказался о царствовании Александра III (отца Николая II): «Все знали, что не уступит он Русского, историей завещанного интереса ни на Польской, ни на иных окраинах инородческого элемента, что глубоко хранит он в душе своей одну с народом веру и любовь к Церкви Православной; наконец, что он заодно с народом верует в непоколебимое значение власти самодержавной в России, и не допустит для нее, в призраке свободы, гибельного смешения языков и мнений».

Все это могло сойти веке в XVIII, а на переходе к XX столетию, когда с огромными скоростями понеслись поезда, взлетели аэропланы, а в Англии видный политический деятель бросил фразу: «Все мы теперь социалисты...», выходить на политическую арену с насильственным обрусением литовцев, украинцев, лишать их права учить собственный язык — значило заготавливать хворост для революционного костра.

Разговор в верхах о недопустимости образования «кухаркиных детей» шел в XX веке в той стране, где двумя веками ранее «архангельский мужик,

по своей и Божьей воле стал разумен и велик», где плебей Д. И. Менделеев возглавил химическую науку, где жил простолюдин А. А. Богданов, один из организаторов РСДРП, автор самого популярного тогда учебника политэкономии и научно-фантастического романа о социализме на Марсе, куда землянин летал на аппарате с атомным двигателем, — словом, тот самый врач А. А. Богданов, которому еще предстоит создать первый в мире Институт переливания крови! Надо ли удивляться, что корона с головы Николая так легко слетела. Кстати, охотников подобрать ее не нашлось.

Николай свято выполнял заветы отца, шел по дороге К. П. Победоносцева. И личные качества правителей не имеют значения в историческом споре народа и власти. В самом начале царствования, обращаясь к земским депутациям, Николай сказал: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный Родитель». Молодой монарх бросил вызов своему народу, его сословиям. Перчатку подняли. Через три года была создана Российская социал-демократическая рабочая партия.

При всей личной мягкости Николай II и без войны пролил больше крови, чем все Романовы вместе взятые. Как известно, Елизавета Петровна смертную казнь отменила. Екатерина II казнила офицера В. Мировича, пытавшегося освободить заточенного Ивана Антоновича, и руководителей пугачевского восстания, но тут была война. Павел I и Александр I казнями себя не запятнали. Николай I вошел в историю как палач декабристов, и, по сути дела, его можно считать основателем страшной русской тюрьмы, которая к всемирному стыду нашему сохранилась в неулучшенном виде до сего дня. За весь XIX век в России было казнено (за исключением повешенных в Польше при подавлении восстаний) менее 100 человек: одна казнь в год. А Николай II в 1907—1909 годах, когда уже стали забывать о стачках и беспорядках революции 1905-го, казнил около 7,5 тысячи человек, в основном рабочих, как-то причастных к революционным событиям. Есть собственноручная приписка Николая к документу о казнях, требующая приведения приговора в исполнение не позже 48 часов после его вынесения. (Возможно, соображения были гуманными, но что же это за суд?)

Все правление Николая II — с первых шагов до последних дней — свидетельствовало о глубокой пропасти между властью и народом. Царь народа своего не знал, хотя Россию по-своему любил.

Нередко пишут о прошедшем к моменту революции перевооружении армии, о том, что Россия, продержись она еще немного, могла стяжать со всеми своими союзниками славу победительницы. Все это так. Николаю действительно очень не повезло, но, прислушайся он к Родзянко, не было бы и февральского бунта солдат в Петрограде, не было бы и Октября. Николай учился у родителя своего, а надо было — у европейцев, да именно тех, которые с помощью компромиссов избегали революций, — у англичан, шведов, норвежцев и многих других.

В одной из своих книг Шульгин (монархист, с оружием в руках сражавшийся в белой армии) вспоминает разговор в Стамбуле в среде своих единомышленников: самодержавие могло быть лучшей формой правления, если бы не ошибки при рождении. Но в том-то и дело, что в условиях многоукладной жизни общества самодержавие при любых удачах «рождения» обречено на гибель. Наши генеральные секретари, мало чем отличавшиеся от самодержцев по объему власти, никак не могли шагать в ногу со временем: бессмысленный террор, разгром командного состава армии перед войной, разгром музыкальной культуры, живописи, литературы после войны, воцарение в биологии безграмотного мракобеса Лысенко, дикий геноцид в отношении целого ряда малых народов, борьба с кибернетикой... пока не докатились до разложения брежневских времен.

Оценивая причины поражения белой армии в Гражданской войне, тот же Шульгин писал, что потому она и проиграла войну, что оказалась не «белой», а «грязной». К этому выводу он пришел, в частности, сравнивая человеческое обращение с ним — пленным у Г. И. Котовского — с одной стороны, и соратников своих с пленными красноармейцами — с другой. Уже говорилось: иной Гражданская война быть не могла. Сейчас с сожалением вспоминают утраченные культурные богатства дворянского и купеческого прошлого страны. А вот англичане палату лордов сохранили, не громили земельных магнатов, не сносили дворцов и храмов, хотя сейчас их экономический уклад — во многом социалистический. И все потому, что решительно, любой ценой избегали революций, устраняя их экономические, политические причины, отлично понимая, что не революционеров надо вешать и сажать, а власть, экономику менять.

Немало хорошего было в России перед революцией, но прежде всего — многопартийность. Строго говоря, сегодня в нашей стране есть лишь одна политическая партия — КПРФ. Она разношерстная: и сталинисты, и демократы-социалисты, и националисты, и державники-государственники. Партия по нынешним временам хорошо организована. Можно по-разному относиться к лидерам и идеологам КПРФ, но рядовые члены вступали не в партию власти, не из-за каких бы то ни было льгот и привилегий — и это заслуживает уважения. Что касается других партий, то они представляют собой какие-то временные сообщества, образовавшиеся для участия в выборах, со странными названиями, без ясных программ, без партийных структур. Одни из них — подобие клуба по интересам, другие напоминают коммерческую организацию с весьма ограниченной ответственностью, третьи — ассоциацию служилых людей, чиновничий орден и т. п. Наверное, в ближайшее время, может быть к столетию прежней, возродится и встанет на ноги Российская социал-демократическая партия (теперь ей уже не надо называться «рабочей», хотя роль рабочего класса сбрасывать со счетов не стоит!), сходная с социалистическими партиями западного мира. Тогда можно будет думать, что мы действительно вступили на путь необратимых демократических преобразований.

Пора междоусобиц заканчивается. Необходимо крепко подумать о будущем своей страны. Она — не княжество Лихтенштейн, слабости ей соседи не простят, в этом в последние годы убедились все. ◆